

УДК 342

DOI: 10.37279/2413-1733-2020-6-3-30-41

КОНСТИТУЦИЯ КАК ОБЪЕКТ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ: ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Трифонов С. Г.

Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

Идеи и представления о необходимости существования особых средств защиты конституции возникают и развиваются одновременно с появлением первых писанных конституций. Исследование защиты конституции позволяет выявить правовой инструментарий, который может быть задействован для предупреждения посягательства на конституционные принципы и ценности.

В статье проанализировано значение термина конституция в исторической ретроспективе, освещается органическая связь терминов конституция и конституционализм, уделено внимание мыслям ученых-просветителей о конституции и ее правовой охране. А также охарактеризованы приемы, применявшиеся для охраны первых конституций.

Идеи по определенной охране или защите конституции возникли сразу же с появлением первых конституций. Воплощались они постепенно или находя свое выражение в самом конституционном тексте или следуя по развитию судебной практики. Такими средствами постепенно становились институт отмены актов, образование конституционно-правового института гаранта и хранителя конституции, институт конституционного контроля, процедура изменения конституции и иные.

Ключевые слова: конституция, закон, конституционализм, правовая защита, правовая охрана, правопорядок, юридическая сила.

Выясняя специфику конституции как особого объекта правовой защиты невозможно обойти вопрос относительно самой природы конституции как таковой. Сам термин «конституция» относится к группе древнейших юридических терминов, известных сегодня правоведению, ему более двух тысяч лет.

Термин «конституция» использовался в течение длительного времени, однако его содержание за этот период существенно менялось [1, С. 35-36]. Вообще, как отмечает Е.Е. Понтович, «представление о том, что не все законы имеют одинаковое значение, что среди множества законов, действующих в государстве, некоторые играют роль основных, с которыми все другие должны быть согласованы, не было чуждо народам самых отдаленных от нас исторических эпох» [2, С. 6]. В то же время термин «конституция», который встречался еще в законодательстве Древнего Рима и обозначал в то время различные акты, которые устанавливались императором и закрепляли устройство государства, однако отнюдь не основной закон государства, возглавляющий пирамиду законодательства [3, С. 50-58]. Существует предположение, что толчком для использования латинского слова «constitute» как юридического понятия первично послужило употребление в заголовке официальных документов Древнего Рима времен Принципата и Домината. Это понятие употреблялось в словосочетании «Rem Publicum Constituera...» – «Римский народ устанавливает...». Позже глагол «устанавливает» трансформируется в существительное «установление, устройство», что и дало начало многочисленным

древним «конституциям» [4, С. 88-89]. Аналогии конституции также имели греческие города-полисы [5, С. 68].

Позднее конституциями начали называть некоторые акты императоров, посвященные различным вопросам, включая организации властвования. Термин «конституция» употреблялся и после разделения и фактического распада единой империи: например, соответствующее название имели акты императора Юстиниана, изданные с целью кодификации римского права [6]. Кодексы Юстиниана как источник гражданского права были утверждены «конституциями» императора [7, С. 183]. Далее этот термин потерял значение и связь с государственным правом: в Средневековой Европе он применялся лишь в каноническом праве для обозначения некоторых актов Папы Римского [6].

Кроме употребления в нормативно-правовой практике средневекового государства термина «конституция», в те времена начинают использовать еще и другой, который и сегодня распространен в конституционном праве. Речь идет о словосочетании «основной закон» – *lex fundamentalis*. Значительно позже этот термин начал употребляться, собственно, как синоним Конституции [8].

Поскольку латынь была широко распространена в среде образованных людей (особенно юристов), постольку применялся термин «*lex fundamentalis*», но использовались также и переводы этого термина на другие европейские языки – «*fundamental law*» (английский), «*loi fondamentale*» (французский), «*Grundgesetz*» (немецкий). Обычно считалось, что в каждой стране существовало несколько основных законов, которые регулировали отдельные фундаментальные вопросы функционирования государства и правящей династии (например, порядок престолонаследия). И все же основные законы, хотя и именовались «основными», в этот период не отличались от других законов юридической силой или порядком принятия [9, С. 52].

В XVI в. Во Франции *lex fundamentalis* впервые был введен в научный оборот французских публицистов-тираноборцев (монархомахов) Ф.Дюплесси-Монре, Ф. Отмана, Дж. Бьюкенена. Идея Конституции как основного закона в представлении монархомахов предусматривала существование в государстве такого высшего нормативного акта, который бы ограничивал власть монарха-самодержца [10, с. 89].

Многие исследователи склонны считать порой зарождения конституционализма в его современном понимании начало XVII в. Именно тогда в западных общественно-политических учениях началась кристаллизация двух идей, которые составляют основу конституционализма. Во-первых, это ограничения власти государства по отношению к обществу и уважение прав индивида. Во-вторых, это применение принципа разделения властей между различными институтами внутри самой государственной машины [11, С. 192].

Своеобразный ренессанс термина «Конституция» состоялся в XVII-XVIII веках. Одним из первых для целей характеристики государственного строя термин «конституция» употребил Ш. Монтескье: название «О конституции Англии» (фр. *de la constitution d'angleterre*) имела глава его сочинения «О духе законов» (1748 год), в котором изложена его концепция разделения властей [12].

Итак, о конституции в современном понимании этого слова можно говорить лишь с XVIII века. Именно в XVIII веке окончательно доктринально оформляется концепция конституционализма. Согласно этой концепции, непосредственно

предшествовала полному вызреванию идей правового государства, конституция представляет собой фундамент правовой системы страны, содержит основополагающие принципы и основные моменты правового регулирования государственной и общественной жизни и прав человека [9, С. 53].

Современное толкование термина «Конституция» связано с Англией, в которой утвердилось слово *constitution*. До основных правовых памятников, которые донные образуют наряду с современными парламентскими актами уставную часть британской конституции, относят Великую хартию вольностей 1215 г., Петицию о праве 1628 г., Хабеас корпус акт 1679 г., Билль о правах 1689 г., Акт об устройстве 1709 г. и др. [13, с. 36]. Причем Биллю о правах и Act of Settlement придается высшее значение, а английская литература всегда говорит об английской конституции и ее истории [13, С. 37]. Стоит только вспомнить классическую работу А. Дайси – «Introduction to the study of law of the constitution» [14].

Конституция Великобритании как совокупность правовых актов (законов и судебных решений прецедентного значения) и различных источников обычного характера является уникальной прежде всего по форме. Поэтому Конституцию Великобритании принято определять как неписанную, хотя британские авторы акцентируют внимание на ее несистематизированном характере. Британский опыт по форме конституционного регулирования сегодня практически не имеет последователей, но его содержание оказало огромное влияние на развитие мировой теории и практики конституционализма [15, с. 23].

Представление о писаном основном законе приобретает практическое значение впервые в американских колониях Англии [16, С. 495]. Поэтому принятие писаной конституции – феномен, возникший относительно недавно, и получил распространение с обретением независимости американскими колониями в XVIII веке. [17, С. 102].

Предложение создать писаную конституцию, которая определит контуры «ограниченного правления» и будет объединять не только позитивные нормы, но и неписанные нормы и принципы естественно-правового (трансцендентного) происхождения, что было воплощено в ходе американской революции XVIII в., является важным вкладом США в доктрину конституционализма. Эта идея была совершенно новой на фоне европейского развития того времени [13, С. 147].

В конституционно-правовой доктрине появление писаных конституций нового типа нередко связывают с именем Монтескье и его обоснованием доктрины разделения властей. Его тезис о том, что свобода и права индивида могут быть обеспечены лишь при строгом разделении властей, на определенном этапе общественного развития получила широкое признание и стала своеобразным политическим догматом. В частности, в Декларации прав 1789 г. говорилось о том, что там, где нет разделения властей и обеспечения прав человека и гражданина, не имеет конституции. Именно с этой самой поры слово «конституция» стало политическим термином с вполне определенным содержанием. Если раньше это слово обозначало государственное устройство вообще, то теперь оно стало синонимом лишь четко определенного государственного устройства [13, С. 22-23].

По мнению К. Хессе, конституция является основным правовым порядком жизни общества. Она определяет руководящие принципы, согласно которым формируется политическое единство и должны быть правильно поняты задачи, стоящие перед

государством. Она регулирует преодоление конфликтов в обществе, упорядочивает организацию и процесс формирования политического единства и деятельность государства. Она создает основу и нормирует основы общеправового режима. В целом она является основополагающим, базирующимся на определенных продуманных принципах, структурным планом правового оформления жизни общества [18, С. 108].

Однако соответствующее сочетание конституции в формальном смысле, выраженной в исторически обусловленной правовой форме основного закона государства, и конституции в материальном смысле иногда игнорируется, и за последнюю выдают выраженный в любой правовой форме (формах) порядок государственного властвования [19, С. 22].

Говоря о конституции, мы должны подчеркнуть ее неразрывную связь с конституционализмом. Этимологически понятие «конституционализм» является производным от слова «конституция», причем взятого не только в его формально-юридическом значении (основной закон государства), но и в собственно лингвистическом [20, С. 48]. Термин Конституция в обществе, где существует конституционное государство (деятельность государства направляется только на обеспечение определенных, нормативно определенных общественных целей согласно общепризнанным и определенным правовым принципам и нормам), понимается в широком смысле как Конституция, основанная на идеологии конституционализма. Реализовать идеологию конституционализма на практике призваны судебные органы конституционной юрисдикции, которые для достижения цели должны непосредственно применять конституционные нормы не только в узко нормативном положительном значении [21, С. 149]. Первые идеологи конституционализма рассматривали конституцию как особый закон, который должен ограничивать персонифицированную (воплощенную в людях, а не в законе) государственную власть, стимулировать производство и торговлю, гарантировать демократический строй, защищать органические (неотчуждаемые) права и свободы человека [22, С. 26].

Любая конституция – это главный нормативный фактор установления и поддержания горизонтальных рыночных взаимоотношений, гарант свободы и неприкосновенности индивида и гражданского общества в целом, правовое средство ускорения всех социальных взаимодействий [23]. Главное в конституционализме – принципиально новый тип отношений между юридическими и физическими лицами-субъектами. Конституционализм обеспечивает правовой порядок, при котором каждый имеет возможность выйти на горизонты рынка (в широком смысле слова) с тем, что он имеет, не обращаясь при этом в иерархические структуры политической или административной власти [24, С. 377]. На концепции конституционализма основывается механизм внешнего ограничения государственной власти «высшим» правом, поскольку она практически ничего не имеет общего с внутренним самоограничением согласно концепции правового государства в положительном смысле – государство ограничено правом, которое она принимает [25, С. 146].

По мнению А.Шайо, согласно классическим понятиям конституционализма, конституционное регулирование предполагает подчинение государственных органов праву с тем, чтобы эти органы не могли вмешиваться в сферу свободы [26, С. 140]. В то же время конституции буквально наштампованы полномочиями по охране

общественного порядка и спокойствия; люди склонны согласиться принять ограничения своих прав, отказаться от демократического участия в жизни общества, только чтобы не было хаоса, неразберихи. Этот общественный покой, безопасность – те факторы, ради которых они, как правило, терпят и государственную власть, осуществляемую незаконно, чтобы только устранить беспорядки [26, С. 143].

Если обобщить, конституции ориентированы и на безопасность (стабильность, защищенность), и на свободу. Безопасность является такой же конституционной ценностью, как и свобода, хотя, безусловно, безопасность должна в конце концов подчиняться свободе. При этом в современном мире существует лишь два типологических подхода в определении органического конституционного устройства: американский (с приоритетом свободы) и европейский (с приоритетом стабильности, не отрицающей свободы).

Говоря об историческом процессе возникновения и современного понимания конституции, мы должны выяснить содержание правовых институтов, которые возникли одновременно с появлением конституций или уже впоследствии специально для того чтобы сохранить такую конституцию как таковую, прежде всего как определенный набор материальных принципов и ценностей, а также как формально-определенный документ, в котором такие принципы и ценности фиксируются. Очевидно, что правового инструментария, который существовал перед этим, было недостаточно. В литературе такой особый набор правового инструментария сейчас именуется защитой, охраной, гарантированием конституции. Терминологическая дискуссия по данному вопросу еще ведется, но представляется, что именно термин «защита конституции» полностью отражает суть явления.

Идеи охраны и защиты конституции возникали сразу же с появлением первых конституций. Первые конституции рассматривались как высший закон страны. Поскольку все власти рассматривались как делегированные народом, то все они ограничены основным законом, который признается непосредственным выражением народной воли. На практике считалось прочно установленным и общепризнанным положение, – хотя оно нигде не было прямо выражено, что все законодательные акты подлежат проверке судом с точки зрения соответствия их конституции. По мнению Г. Еллинека, это положение следовало из предыдущего государственного порядка американских колоний, в соответствии с которого колониальные законы всегда подлежали проверке английского судьи с точки зрения согласованности их с более высокой нормой английского права [16, С. 49].

Само по себе приведение конституции в нормативное состояние, придание ей обязательного юридического статуса мало что значит. Для того, чтобы определять правовую систему, Конституции нужно быть альфой и омегой права, основным законом, стоящим над всеми другими юридическими нормами. В Великобритании, например, законы, обеспечивающие принципы конституционализма, если эти принципы вообще сформулированы в виде законов, в любое время могут быть заменены другими законами. В любых других культурах это сделало бы конституционализм теоретически невозможным. Поэтому верховенство конституции как правового регулятора следует обеспечить правовыми техническими способами [26, С. 247].

Идея правовой защиты конституции как таковая известна еще со времен появления и утверждения первых конституций (конец XVIII – начало XIX века). Ведь

вместе с появлением конституции встали непростые задачи, связанные с обеспечением ее верховенства, стабильности, эффективности действия ее норм. Одновременно обеспечения стабильности конституционных положений фактически означало и сохранение основных завоеваний революций (национально-освободительных войн, народных восстаний) при переходе государств от тоталитарных к демократическим формам правления – институту прав и свобод человека, народному суверенитету, разделению властей, парламентаризму, местному самоуправлению [27, С. 195]. Зарождение идеи правовой охраны конституции происходило в течение XII-XVII веков и наиболее четко сформировалось в институте отмены актов, которые противоречили Основному Закону, который по сути являлся прототипом конституционного контроля [28]. Как писал К. Шмитт, планы и предложения основания гаранта и хранителя конституции в новейшей конституционной истории впервые возникли в Англии после смерти Кромвеля (1658), причем после первых современных попыток создания писаных конституций во время внутривластного распада республиканского правительства ввиду неспособности парламента принимать предметные решения и непосредственно перед реставрацией монархии. Тогда предлагалось, например, создать особую корпорацию, которая наподобие спартанского эфората должна была охранять существующий порядок Commonwealth и не допускать реставрации монархии [29, С. 130].

Одним из практических шагов по созданию органа конституционного контроля в Европе рассматривают Охранительный Сенат (Senat Conservateur), созданный согласно Конституции Франции 1799 г. [30]. Senat Conservateur сыграл роль хранителя конституции только после военного поражения Наполеона, когда декретом от 3 апреля 1814 объявил Наполеона и его семью лишенным власти за нарушение конституции и прав народа. Характерны в отношении охраны конституции также определение Баварской (1818) и Саксонской (1831) конституций. В разделе «Об охране конституции» рассматривается: 1) присяга короля, государственных служащих и граждан государства на верность конституции; 2) право сословий состояний подавать жалобы в случае нарушения конституции; 3) право сословий предъявлять обвинения в случае нарушения конституции; 4) условия изменения конституции. Саксонская конституция, кроме того, рассматривает в этом разделе еще и полномочия государственного суда толковать конституцию в спорных случаях, когда нет согласия между правительством и сословиями [30, Стр. 30].

В Северной Америке органом конституционного контроля стал Верховный Суд США, который положил начало зарождению первого этапа осуществления конституционного контроля [31, С. 15]. Основывая американскую модель конституционного контроля в деле Мэрибэри против Мэдисона, председатель Верховного суда Дж. Маршал высказался так: «Конституция либо является высшим законом, который невозможно изменить обычными законами, либо стоит на их уровне... Тогда конституция не что иное как абсурдная попытка ограничить власть».

В конце XIX – начале XX в. под правовой охраной Конституции в основном понимали конституционные гарантии, назначение которых – оберегать неприкосновенность государственного устройства, ликвидируя возможность неконтролируемых или преждевременных изменений текста основных законов, а также их нарушения [31, С. 26].

Важно заметить, что особая природа Конституции обуславливает и сегодня положения многих конституций, об их верховенстве и тому подобное. Рассматривая соответствующее положение, содержащееся в Основном Законе ФРГ 1949 г., К. Собота вполне справедливо обращает внимание на соотношение верховенства конституции с другими конституционными ценностями, в частности, народным суверенитетом. Ученый отмечает, что связанность законодателя конституцией, как это определяет ч. 3 ст. 20 («Законодательная власть связана конституционным строем, исполнительная и судебная власть – законом и правом») вместе с ч. 3 ст. 79 («Изменения Основного закона, затрагивающие разделение Федерации на земли, принципы участия земель в законодательстве или принципы, закрепленные статьями 1 и 20, не допускаются»), не должна обязательно означать приверженность к одной из определенных догматикой систем естественного права и отрицание принципа республики. С другой стороны, это открывает воображаемое пространство, в котором силу некоторых фундаментальных юридических норм является независимой от активности граждан и их законодательных органов [183, С. 59].

М. Ориу понимает конституционный закон в смысле некоторого высшего закона в сравнении с обычными законами, которые основываются и на его суверенитете, его существование влечет за собой ограничение суверенитета правительства и особенно законодательной власти [32, С. 629].

Представляется, с формально-юридической точки зрения учредительная власть выражается в разграничении юридической силы положений конституции и законов, в соответствии с чем конституция является основным законом. Нормы конституции в качестве основной нормы определяют основные направления законодательной политики, поскольку они нуждаются в конкретизации и детализации парламентом в текущем законодательстве. Поэтому правовая политика парламента должна осуществляться в русле ценностей, основных прав и свобод, которые заложены и вытекающих из «буквы» и «духа» основного закона. Сегодня конституция признается в качестве основного закона, который принимается по специальной процедуре отличной от законодательной. Поэтому Конституция и обеспечивается специальным порядком защиты.

Создание системы правовой охраны конституции является закономерным следствием правовой природы Основного Закона, согласно которой обусловлены ее юридические свойства. Правовая защита конституции как необходимое условие надлежащего функционирования конституционной государственности является неотъемлемой составляющей механизма ее действия. Правовая защита конституции зависит от типа конституционализма, который царит в конкретно исторически сложившемся типе общества, а значит и от социальной ценности конституции.

Система правовой защиты конституции является современным институтом конституционного права Российской Федерации. Как правило, в литературе проблему обеспечения стабильности и верховенства Основного закона рассматривают в контексте правовой охраны конституции.

Необходимым условием обеспечения верховенства и стабильности Конституции, высокой эффективности действия ее положений во всех сферах жизнедеятельности общества является правовая охрана Конституции. В тоже время на сегодняшний день целесообразно выделить по крайней мере две основные составляющие практического обеспечения принципа верховенства конституции. С

одной стороны, это гарантии обеспечения высшей юридической силы конституции, которые предусматривают эффективность процессов и процедур охраны конституции. С другой стороны, это гарантии обеспечения прямого действия конституционных норм [33].

Однако не все конституции имеют реальное юридическое верховенство. «Фиктивные» (символические, витринные) Конституции, существовавшие и существующие в мире, его не имеют, хотя формально оно и может быть там задекларировано.

Именно стабильность Конституции и конституционного строя в решающей степени зависит от соблюдения Конституции и прямо пропорциональна законопослушности граждан. Но в любом обществе есть организации и люди, цель и деятельность которых представляют угрозу для Конституции. Угроза также может исходить от превышения полномочий со стороны должностных лиц и государственных органов. Нарушение Конституции приводит к порождению хаоса, опасности государственных переворотов, нарушениям прав человека. Поэтому демократические государства обязаны обеспечивать соблюдение Конституции и охранять ее от любых посягательств [34, С. 30]. Эффективная правовая охрана Конституции зависит от применения средств, направленных на восстановление законного состояния, исключения и предотвращения возможных нарушений конституционных положений.

Потребность в охране конституции, в обеспечении конституционной законности возникает не только в связи умышленными посягательствами. Охраны требует сама возможность воспользоваться закрепленными в конституции нормами, которая может оказаться неосуществимой или весьма затрудненной в силу сложившейся практики правоприменительной деятельности, несовершенства текущего законодательства, в частности его противоречия конституционным положениям [34, С. 41].

Кроме того, чем в большей степени нормы Конституции, закрепляющие основы государственного и общественного устройства, соответствуют конкретной исторической ситуации в стране, чем тверже решимость сохранить существующий государственный и общественный строй, тем эффективнее предупреждаются нарушения конституционных положений, или же восстанавливаются нарушенные конституционные нормы. Если же в обществе отсутствует принципиальный консенсус относительно общих принципов организации государства и общества, конституция теряет основу своей жизненной силы и действенности, реализация ее норм не может быть обеспечена только лишь организационно-правовыми гарантиями [35, с.14].

Еще Г. Еллинек писал: «если обратимся назад к истории, то мы с удивлением увидим как глубинные основы государства, на которых она, казалось, незыблемо существовало на протяжении многих веков, могут сломаться, расшататься и упасть без малейшего участия законодателя... Конституции могут умирать вследствие того, что ценность их учреждений падет так низко, что они уже никому не будут нужны, что в конце концов, не найдется больше людей которые пожелали бы отдать свою волю на служение этим учреждениям. Могут существовать гордые суверенные народные собрания, в которых в конце концов, никто не захочет участвовать. Таким примером является *populos Romanus*. Римские комиции никогда не были отменены» [16, С. 54].

К. Хессе в этом же ключе писал о том, что созданные институциональные гарантии не представляют собой абсолютной защиты. Прочность конституций является, в первую очередь, вопросом ее нормативной силы. Чем больше конституционный порядок отвечает условиям исторической ситуации, чем больше готовность признавать содержание конституции как обязательное и чем крепче решимость этот смысл актуализировать, даже вопреки сопротивлению, тем быстрее и надежнее можно избежать или предотвратить нарушения. Где принципиальное согласие, на котором основывается в конечном счете нормативная сила конституции, отсутствует или теряется, конституция теряет основу своей жизненной силы или действенности, и одни только институциональные гарантии не способны помочь [18, с. 32].

Из вышеприведенного можно сделать следующие выводы:

Термин «конституция» имеет древнее происхождение, история которого начинается с законодательства Древнего Рима, а в XVI ст. появляются упоминания об «основном законе» – *lex fundamentalis*. Однако термин «конституция» в современном понимании, прежде всего как инструмент разделения и ограничения власти, а также гарантирования прав человека, начинает употребляться в XVIII веке, когда появляется концепция конституционализма. В противовес конституции гибкой (Великобритания), представление о формальной конституции как писаном акте с соответствующим названием «конституция» появляется в ее американских колониях, где сначала в отдельных штатах а впоследствии в рамках нового государства – Соединенных Штатов Америки принимается Конституция (1787 г.)

Учитывая выделение в конституциях ценностных аспектов, можно выделить два подхода к их пониманию конституции: широкий и узкий. Согласно первому подходу, Конституция определяет устройство страны. Каким бы он ни был (авторитарный, тоталитарный, без разделения властей, провозглашения прав человека), акт, который его определяет имеет право называться конституцией и его содержательное наполнение не имеет значения (Г. Еллинек, Ф. Лассаль). Согласно же второму подходу, более узкому, Конституцией является такой формальный акт, который воплощает в себе определенные принципы, в частности свободу, равенство и т. п. (Е. Понтович).

Вполне справедливо выделять понятие конституции в формальном и материальном смысле, последнее же имеет своим наполнением определенные ценности. Материальное значение конституции является обязательным для органического конституционализма, а наличие конституции в формальном значении – желанным. Говоря о конституции, необходимо подчеркнуть ее неразрывную связь с конституционализмом.

Идеи по определенной охране или защите конституции возникли сразу же с появлением первых конституций. Воплощались они постепенно или находя свое выражение в самом конституционном тексте или следуя по развитию судебной практики. Такими средствами постепенно становились институт отмены актов, образование конституционно-правового института гаранта и хранителя конституции, институт конституционного контроля, процедура изменения конституции и другие. Такие правовые институты возникли специально для того, чтобы сохранить такую конституцию таковой как она есть, прежде всего, как определенный набор материальных принципов и ценностей, а также как формально – определенный документ, в котором такие принципы и ценности фиксируются. В литературе такой

особый набор правового инструментария сейчас именуется защитой, охраной, гарантированием конституции.

Предпосылкой защиты конституции в правовом смысле является определенный общественный консенсус по поводу ключевых ценностей, наличие определенной гражданской культуры, развитого гражданского общества, автономного индивида-собственника, то есть всех тех предпосылок конституционализма, без которых реализация конституции будет всегда сталкиваться с большим количеством проблем.

Список литературы

1. Овсепян, Ж. И. Развитие научных представлений о понятии и сущности конституции. Известия вузов. Правоведение / Ж. И. Овсепян – Текст : непосредственный. – 2006. – № 5. – С. 35–36.
2. Понтович, Э. Э. Развитие конституции и учредительная власть / Э. Э. Понтович. – Петроград: Огни, 1918. – 91 с. – Текст : непосредственный.
3. Автономов, А. Конституция как ценность. / А. Автономов – Текст : непосредственный // Сравнительное конституционное обозрение. – 2008. – № 3. – С. 50–58.
4. Шустров, Д. Г. Сущность конституции: основные теории : монография / Д. Г. Шустров. – Юрлитинформ. – Москва, 2017. – Текст : непосредственный.
5. Авакьян, С. А. Конституция России: природа, эволюция, современность / С. А. Авакьян. – М.: РЮИД, «Сашко», 2000. – Текст : непосредственный.
6. Зелинский, Ф. Ф. Римская Республика / Ф. Ф. Зелинский. – СПб.: Алетейя, 2002 г. – Текст : непосредственный.
7. Арановский, К. В. Конституционная традиция в российской среде / К. В. Арановский. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 658 с. – Текст : непосредственный.
8. Чиркин, В. Е. Глава государства. Сравнительно-правовое исследование : монография. 2-е изд., испр. и доп. / В. Е. Чиркин. – Москва: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2014. – Текст : непосредственный.
9. Автономов, А. Конституция как ценность / А. Автономов // Сравнительное конституционное обозрение. – 2008. – № 3. – С. 50–58. – Текст : непосредственный.
10. Нерсесянц, В. С. История политических и правовых учений : учебник: в 2 томах. Том 1 / Нерсесянц В. С. – Москва: Юр. Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2018. – Текст : непосредственный.
11. Ваславский, Я. И. Конституционные условия для демократии: сравнительный анализ / Я. И. Ваславский. – М.: МГИМО, 2008. – 192 с. – Текст : непосредственный.
12. Монтескье, Шарль-Луи. О духе законов / Шарль-Луи Монтескье. – М.: Мысль, 1999. – 672 с. – Текст : непосредственный.
13. Гоптарева, И. Б. Конституционное право зарубежных стран / И. Б. Гоптарева. – М.: Бибком, 2018. – 381 с. – Текст : непосредственный.
14. Дайси, А. Основы государственного права Англии. Введение в изучение английской конституции / А. Дайси. – СПб.: Тип. тов-ва И. Д. Сытина, 1905. – 681 с. – Текст : непосредственный.
15. Хабриева, Т. Я. Избранные труды: в 10 т. Т. 2: Конституционный контроль. Правовая охрана Конституции. Теория современной конституции / Т. Я. Хабриева. – М., 2018. – 448 с. – Текст : непосредственный.
16. Еллинек, Г. Общее учение о государстве / Г. Еллинек, И. Ю. Козлихин. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. – 752 с. – Текст : непосредственный.
17. Маклаков, В. В. Конституции зарубежных государств. Учебное пособие / В. В. Маклаков. – 2-е изд., исправ. и доп. – М.: Издательство БЕК. – 586 с. – Текст : непосредственный.
18. Хессе, К. Основы конституционного права ФРГ; пер. с нем. / К. Хессе. – М.: Юрид. лит., 1981. – 368 с. – Текст : непосредственный.
19. Беше-Головко, К. Конституционная логика многопартийной системы Франции / К. Беше-Головко – Текст : непосредственный // Сравнительное конституционное обозрение. – 2010. – № 4 (77). – С. 5–15.
20. Варламова, Н. Конституционализм: вариативность понятия / Н. Варламова – Текст : непосредственный // Сравнительное конституционное обозрение. – 2011. – № 5. – С. 48–57.
21. Боброва, В. Конституционализм и современный конституционный строй / В. Боброва. – М.: ЮНИТИДАНА, 2003. – Текст : непосредственный.
22. Алебастрова, И. А. Конституционализм как правовое основание социальной солидарности / И. А. Алебастрова. – М.: Проспект, 2015. – Текст : непосредственный.

23. Хабриева, Т. Я. Теория современной конституции / Т. Я. Хабриева, В. Я. Чиркин. – М.: Норма, 2007. – Текст : непосредственный.
24. Клишас, А. А. Социальное государство : монография / А. А. Клишас. – Текст : непосредственный – М.: Международные отношения, 2017.
25. Чиркин, В. Е. Контрольная власть / В. Е. Чиркин. – М.: Юристъ, 2008. – Текст : непосредственный.
26. Шайо, А. Самоограничение власти, краткий курс конституционализма / А. Шайо. – М., 2001. – 292 с. – Текст : непосредственный.
27. Черепанов, В. А. Проблемы российской государственности. Опыт системного исследования / В. А. Черепанов. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. – Текст : непосредственный.
28. Богданди, А. Доктринальный конструктивизм в прошлом и будущем: стратегия ответа на насущные вопросы, стоящие перед конституционно-правовой наукой в Европе / А. Богданди // Сравнительное конституционное обозрение. – 2010. – № 1. – Текст : непосредственный.
29. Шмитт, К. Политическая теология / К. Шмитт. – М.: КАНОНпрессЦ; Кучково поле, 2000. – 336 с. – Текст : непосредственный.
30. Шмитт, К. Государство: право и политика / К. Шмитт. – Пер. с нем. – М., 2010. – Текст : непосредственный.
31. Миряшева, Е. В. Становление конституционализма в штатах в процессе формирования федеративного государства в США (XVII–XIX вв.): монография / Е. В. Миряшева. – М., 2012. – 131 с. – Текст : непосредственный.
32. Ориу, М. Основы публичного права; пер. с франц. / М. Ориу. – М.: Изд-во Ком. Акад., 1929. – 783 с. – Текст : непосредственный.
33. Кутафин, О. Е. Предмет конституционного права / О. Е. Кутафин. – М.: Юристъ, 2001. – Текст : непосредственный.
34. Умнова, И. А. Современные подходы, концепции и доктрины конституционализма / И. А. Умнова, Е. В. Алферова – Текст : непосредственный // Современный конституционализм: Теория, доктрина, практика : сб. науч. тр. РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. правоведения; РАП. Отдел конституционно-правовых исследований. – М., 2013. – С. 30–41.
35. Коровинских, Д. С. Правовая охрана Конституции Российской Федерации : автореф. дисс. на соиск. наук. степ. канд. юрид. наук: спец. / Д. С. Коровинских. – М.: РАГС, 2005. – 24 с. – Текст : непосредственный.

Trifonov S. G. The constitution as an object of legal protection: the historical and theoretical aspect / S.G. Trifonov // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2020. – Т. 6 (72). № 3. – P. 30-41.

Ideas about the need for special means of protecting the Constitution arise and develop simultaneously with the appearance of the first written constitutions. The study of the protection of the Constitution reveals the legal tools that can be used to prevent attacks on constitutional principles and values.

The article analyzes the meaning of the term Constitution in historical retrospect, highlights the organic connection between the terms Constitution and constitutionalism, and pays attention to the thoughts of scientists and educators about the Constitution and its legal protection. It also describes the techniques used to protect the first constitutions.

Ideas for a certain protection or defense of the Constitution arose immediately with the appearance of the first constitutions. They were implemented gradually, either finding their expression in the constitutional text itself or following the development of judicial practice. Such means gradually became the institution of repeal of acts, the formation of the constitutional-legal Institute of the guarantor and guardian of the Constitution, the Institute of constitutional control, the procedure for changing the Constitution, and others.

Keywords: Constitution, law, constitutionalism, legal protection, law and order, legal force.

Spisok literatury

1. Hovsepian Zh. I. Development of scientific ideas about the concept and essence of the constitution. Izvestiya VUZov. Jurisprudence / Zh. I. Hovsepian. – 2006. – No. 5. – Pp. 35–36.
2. Pontovich E. E. Development of the constitution and constituent power / E. E. Pontovich. – Petrograd: Lights, 1918. – 91 p.
3. Avtonomov A. Constitution as a value. / A. Avtonomov // Comparative constitutional review. – 2008. – No. 3. – Pp. 50–58.
4. Shustrov D. G. The essence of the constitution: basic theories : monograph / D. G. Shustrov. – Jurlitinform. – Moscow, 2017.

5. Avakyan S. A. Constitution of Russia: nature, evolution, modernity / S. A. Avakyan. – M.: RYUID, 1997; 2nd edition. – M.: RYUID, "Sashko", 2000.
6. Zelinsky F. F. Roman Republic / F. F. Zelinsky. St. Petersburg: Aletheia, 2002.
7. Aranovsky K. V. Constitutional tradition in the Russian environment / K. V. Aranovsky. – SPb.: Legal Center Press, 2003. – 658 p.
8. Chirkin V. E. Head of State. Comparative legal research : monograph / V. E. Chirkin. – 2nd ed., Rev. and add. – Moscow: Norma: SIC INFRA-M, 2014.
9. Avtonomov A. Constitution as a value / A. Avtonomov // Comparative constitutional review. – 2008. – No. 3. – Pp. 50–58.
10. Nersesyants V. S. History of political and legal doctrines : textbook: in 2 volumes Volume 1 / Nersesyants V. S. – Moscow: Yur.Norma, Research Center INFRA-M, 2018.
11. Vaslavsky Ya. I. Constitutional Conditions for Democracy: Comparative Analysis / Ya. I. Vaslavsky. – M.: MGIMO, 2008. – 192 p.
12. Montesquieu Charles-Louis. About the spirit of laws. – M.: Mysl, 1999. – 672 p.
13. Goptareva I. B. Constitutional law of foreign countries / I. B. Goptareva. – M.: Bibkom, 2018. – 381 p.
14. Dicey A. Fundamentals of State Law of England. Introduction to the study of the English constitution / A. Dicey. – SPb.: A type. comrade I. D. Sytin, 1905. – 681 p.
15. Khabrieva T. Ya. Selected works: in 10 volumes. Vol. 2: Constitutional control. Legal protection of the Constitution. The theory of modern constitution / T. Ya. Khabrieva. – M., 2018. – 448 p.
16. Jellinek G. General doctrine of the state / G. Jellinek, I. Yu. Kozlikhin. – SPb.: Jurid. Center Press, 2004. – 752 p.
17. Constitutions of foreign states. Tutorial. 2nd ed., Revised. and add. – M.: Publishing house BEK. – 586 p.
18. Hesse K. Fundamentals of the Constitutional Law of the Federal Republic of Germany; per. with him. / K. Hesse. – M.: Jurid. lit., 1981. – 368 p.
19. Beche-Golovko K. Constitutional logic of the multi-party system of France / K. Beche-Golovko // Comparative constitutional review. – 2010. – No. 4 (77). – Pp. 5–15.
20. Varlamova N. Constitutionalism: variability of the concept / N. Varlamova // Comparative constitutional review. – 2011. – No. 5. – Pp. 48–57.
21. Bobrova V. Constitutionalism and the modern constitutional system / V. Bobrova. – M.: UNITIDANA, 2003.
22. Alabastrova I. A. Constitutionalism as a legal basis for social solidarity / I. A. Alabastrova. Moscow: Prospect, 2015.
23. Khabrieva T. Ya. The theory of modern constitution / T. Ya. Khabrieva, V. Ya. Chirkin. – M.: Norma, 2007.
24. Klishas A. A. Welfare state: monograph / A. A. Klishas. – M.: International relations, 2017.
25. Chirkin V. E. Controlling power / V. E. Chirkin. – M.: Jurist, 2008.
26. Chaillot A. Self-restraint of power, a short course of constitutionalism / A. Chaillot. – M., 2001. – 292 p.
27. Cherepanov V. A. Problems of Russian statehood. System research experience / V. A. Cherepanov. – M.: Norma: INFRA-M, 2018.
28. Bogdandi, A. von. Doctrinal constructivism in the past and the future: a strategy for answering the pressing questions facing constitutional and legal science in Europe / A. Bogdandi // Comparative constitutional review. 2010. No. 1.
29. Schmitt K. Political theology / K. Schmitt. – M.: KANONpressC; Kuchkovo field, 2000. – 336 p.
30. Schmitt K. State: law and politics / K. Schmitt. – Per. with him. – M., 2010.
31. Miryasheva E. V. Formation of constitutionalism in the states in the process of forming a federal state in the USA (XVII–XIX centuries) : monograph / E. V. Miryasheva. – M., 2012. – 131 p.
32. Oriou M. Fundamentals of Public Law; per. with fran. / M. Oriu. – M.: Publishing house Kom. Acad., 1929. – 783 p.
33. Kutafin O. E. The subject of constitutional law / O. E. Kutafin. – M.: Jurist, 2001.
34. Umnova I. A. Modern approaches, concepts and doctrines of constitutionalism / I. A. Umnova, E. V. Alferova // Modern constitutionalism: Theory, doctrine, practice: Sat. scientific. tr. / RAS. INION. Center for social. scientific-inform. issled. Dept. jurisprudence; RAP. Department of Constitutional and Legal Research. – M., 2013. – Pp. 30–41.
35. Korovinskikh D. S. Legal protection of the Constitution of the Russian Federation: author. dis. for a job. sciences. step. Cand. jurid. Sciences: spec. / D. S. Korovinsky. – M.: RAGS, 2005. – 24 p.